

На правах рукописи

Никифорова Эльмира Шавкатовна

**СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В
АРГУМЕНТАТИВНО – СУГГЕСТИВНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ
ТЕКСТОВ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО
И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно – историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Тюмень - 2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ермакова Елена Николаевна
профессор кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Тобольская государственная социально – педагогическая академия им. Д.И. Менделеева»

кандидат филологических наук, доцент
Исмагулова Гульнар Кульмухамбетовна
доцент кафедры иностранных языков РГКП «Костанайский государственный педагогический институт»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится 7 июня 2013 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.274.15 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук в ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 18.

Автореферат разослан « » апреля 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Сотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время повышенное внимание к речевому поведению в сфере профессиональной коммуникации обусловило интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Владение эффективными приёмами коммуникативного воздействия является неотъемлемой составляющей профессиональной нормы и в сфере правовой деятельности. Наш интерес вызывает такая характеристика поведения языковой личности, как стратегии коммуникативного воздействия в текстах русского, казахского и американского судебного дискурса.

Объектом диссертационного исследования является коммуникативное поведение профессиональных оппонентов - участников судебного дискурса: прокуроров и адвокатов.

Предметом исследования выступают стратегии коммуникативного воздействия и представляющие их тактики в текстах русского, казахского и американского судебного дискурса.

Актуальность работы определяется рядом факторов:

1) работа соответствует общей тенденции современного языкознания, направленной на изучение прагматического потенциала речи, установление связи между ситуативными факторами и особенностями речевого поведения участников профессионально ориентированной коммуникации;

2) судебная сфера становится всё более значимой для социума в свете происходящих реформ, направленных на гуманизацию судебных систем Российской Федерации и стран СНГ, что обуславливает важность изучения лингвистических особенностей судебного дискурса в рамках новой научной дисциплины – юрислингвистики;

3) в настоящее время наблюдается недостаток сопоставительных исследований стратегий и тактик судебного дискурса на примере двух и более языков. Влияние этнокультурных факторов на различия в речевом поведении профессиональных участников русского, казахского и американского судебного дискурса ещё недостаточно исследовано. Наша работа характеризуется стремлением выявить зависимость речевого поведения профессиональных участников судебной коммуникации (адвокатов и прокуроров) от их социальных ролей, а также от особенностей национального менталитета представителей рассматриваемых лингвокультур;

4) в работе интегрируются достижения лингвоконфликтологии, социолингвистики, теории интерпретации, теории речевых актов, а также юриспруденции, коммуникативистики и когнитологии при изучении конфликтного функционирования языка.

Отметим, что различным аспектам изучения стратегий коммуникативного воздействия в юридическом/судебном дискурсе

посвящены работы О. Н. Тютюновой [2008], Т. В. Дубровской [2009; 2010], Э. У. Саидгасановой [2010], А. В. Мальцевой [2011] и др. Однако, в современной лингвистике наблюдается **недостаток комплексных сопоставительных исследований** стратегий и тактик коммуникативного воздействия в текстах институциональных дискурсов.

Цель выполненного исследования – охарактеризовать особенности реализации стратегий коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах русского, казахского и американского судебного дискурса.

Поставленная цель предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

1) определить понятие коммуникативного воздействия в рамках функциональной прагмалингвистики;

2) рассмотреть основные трактовки понятий «коммуникативные стратегии», «стратегии коммуникативного воздействия», «речевые стратегии», «стратегии речевого воздействия» и их соотношение в современной лингвистике;

3) выделить основные коммуникативные стратегии, используемые адвокатами и прокурорами в русском, казахском и американском судебном дискурсе;

4) установить базовые коммуникативные тактики, реализующие стратегии профессиональных оппонентов в ходе судебных прений;

5) провести сопоставительный анализ использования различных коммуникативных тактик представителями рассматриваемых лингвокультур;

6) выявить этнокультурную специфику речевого поведения профессиональных участников русского, казахского и американского судебного дискурса.

Научная новизна работы заключается в том, что предложен комплексный подход к изучению судебной коммуникации; выявлены и описаны в сопоставительном аспекте ранее системно не представленные в теории языка стратегии и тактики коммуникативного воздействия профессиональных участников судебного дискурса (прокуроров и адвокатов) русской, казахской и американской лингвокультур; установлены использованные при их реализации лингвистические, стилистические и риторические средства и приемы; определена этнокультурная специфика речевого поведения представителей рассмотренных лингвокультур в сфере судебной коммуникации.

Теоретическая значимость выполненной работы состоит в том, что в ней уточняется понятие способов речевого воздействия в текстах судебной риторики, конкретизируется понятие стратегий и тактик коммуникативного воздействия применительно к судебному дискурсу, приводится чёткая функционально обусловленная классификация стратегий и тактик профессиональных участников судебного дискурса,

выявляются этнокультурные особенности их реализации в речах представителей русской, казахской и американской лингвокультур. Полученные данные и сделанные на их основе выводы могут быть использованы при рассмотрении и сопоставлении других типов аргументативно-суггестивных текстов, порождённых представителями различных лингвокультур, а некоторые вопросы, касающиеся взаимодействия языка и права (разработка юридической терминологии на казахском языке, проблемы, касающиеся работы переводчиков в казахстанских судах, вопросы лингвистической экспертизы юридических текстов и т.д.), затронутые в данной работе, нуждаются в дальнейшей разработке и подробном рассмотрении.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке теоретических курсов лингвострановедения, лингвокультурологии, функциональной стилистики, судебной и общей риторики и ряда спецкурсов по теории дискурса, социолингвистике, прагмалингвистике. Материал диссертации может быть также использован в преподавании специально-профессионального английского и делового казахского и русского языков, а также может послужить теоретической базой при разработке рекомендаций по совершенствованию умений судебного говорения.

Методологическая основа и методы исследования:

– работы, посвященные исследованию речевого воздействия и его способов: Г. А. Брутян [1984], О. С. Иссерс [1996; 1997], Л. А. Нефёдова [2011; 2012], Е. В. Шелестюк [2009];

– работы, посвященные проблемам определения, классификации и реализации коммуникативных стратегий и тактик: В. Ю. Андреева [2009], Т. Н. Астафурова [1997], С. Дацюк [2008], Т. В. Дубровская [2003; 2009; 2010], О. С. Иссерс [2003], А. В. Мальцева [2011], А. К. Михальская [2003], М. Ю. Олешков [2006], Ю. К. Пирогова [2001], Э. У. Саидгасанова [2010], И. В. Самарина [2006], О. Н. Тютюнова [2004; 2008], А. П. Чудинов [2003; 2008], М. В. Шпильман [2006];

– исследования профессионального общения и его основных характеристик, а также исследования в области взаимодействия языка и права: Л.С. Бейлинсон [2009], Н. Д. Голев [2002; 2004], Е. В. Харченко [2003; 2011], Л. А. Шкатова [2012];

– работы в области теории дискурса: Н. Д. Арутюнова [1990; 1992], В. И. Карасик [1992; 2001; 2002], М. Л. Макаров [2003], Г. Н. Манаенко [2003; 2005];

– основные положения прагмалингвистики: Н. Д. Арутюнова [1981; 1985], Г. Г. Матвеева [1999; 2003], П. Грайс [1985], Дж. Остин [1986], Дж. Сёрль [1986];

– исследования в области лингвокультурологии: А. Вежбицка(я) [2001; 2002], К. Касьянова [1994], В. А. Маслова [2001], С. Г. Тер-Минасова [2000].

В работе использовались следующие **методы** исследования: гипотетико-индуктивный метод, описательный метод, интроспекция, интерпретация, контекстуально-функциональный сопоставительный качественный и количественный анализ, метод сплошной выборки.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Коммуникативное воздействие в конфликтных ситуациях судебного дискурса реализуется посредством статусно-детерминированных стратегий коммуникативного воздействия (стратегии защиты, стратегии обвинения) и универсальной для профессиональных участников судебного дискурса стратегии эмоционального воздействия.

2. Вариативность и гибкость в построении коммуникативных стратегий достигается применением определенного набора коммуникативных тактик, выбор которых определяется коммуникативным намерением и коммуникативной ситуацией.

3. Этнокультурные особенности судебного дискурса могут быть выявлены в результате анализа набора и частотности применения коммуникативных тактик в рамках реализации основных коммуникативных стратегий его участниками.

В этой связи отметим, что русскоязычный судебный дискурс характеризуется конфронтационностью, предпочтением тактики дискредитации, стремлением к моральной оценке действий и личности подсудимого; казахоязычный – стремлением к достижению компромисса, преобладанием моральной оценки действий и личности подсудимого, доминирующей позицией прокурора при рассмотрении дел в судебном заседании; американский – применением разнообразного набора коммуникативных тактик, тенденцией к сокращению дистанции общения между профессиональными участниками судебного дискурса и аудиторией, более рациональной формой организации защиты подсудимого адвокатом.

4. К наиболее частотным лингвистическим, стилистическим и риторическим средствам, передающим аргументативно – суггестивный потенциал текстов судебного дискурса в рамках тактик коммуникативного воздействия относятся следующие: эмоционально-окрашенная лексика с аксиологическим компонентом, эмоционально окрашенная лексика с мелиоративной и пейоративной окраской, эмоциональные эпитеты, средства формальной когезии, терминология, прецедентные феномены, имплицатуры, риторические вопросы, антитеза, метафора.

Достоверность полученных результатов подтверждается объемом выборки проанализированных единиц, а также глубоким комплексным анализом собранного материала. **Материалом** исследования послужили стенограммы речей адвокатов и прокуроров в ходе более 30 судебных процессов в русских, казахских и американских судах, а также видеоснимки судебных заседаний по уголовным делам (общий объем

составляет более 500 страниц печатного текста). Использованные материалы датированы 1995 – 2012 гг.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены и обсуждались на международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в образовании: проблемы и перспективы» (г. Костанай, Казахстан, 2012); международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики – германистики, романистики и русистики» (г. Екатеринбург, 2012); международной заочной научно-методической конференции «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» (г. Волгоград, 2012); международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 2012); международной научной конференции «Парадигма современной науки глазами молодых», посвящённой памяти Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова (г. Костанай, Казахстан, 2012); всероссийской межвузовской конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст», посвящённой памяти профессора Г. Г. Инфантовой (г. Таганрог, 2012); международной научной конференции «Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах» (г. Волгоград, 2012), IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой памяти В. Ф. Житникова (г. Челябинск, 2013).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 184 источника, списка словарей, списка анализируемых источников, 5 приложений. Общий объём работы составляет 222 страницы, из них 189 страниц основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются цель, задачи и методология исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации работы.

В первой главе «Коммуникативное воздействие в аргументативно – суггестивных текстах» определены ключевые понятия исследования, проведён критический анализ современной литературы по основам прагмалингвистики, реализации способов речевого воздействия в аргументативно – суггестивных текстах, основным направлениям изучения стратегий коммуникативного воздействия, исследованию судебного дискурса как вида профессиональной коммуникации, предложена классификация стратегий коммуникативного воздействия профессиональных участников судебного дискурса (прокуроров и адвокатов).

На современном этапе подчеркивается коммуникативная направленность языка, то есть обращение к говорящему и слушающему, поэтому проблемы ответственности речи выходят на передний план, а коммуникативное воздействие рассматривается в русле прагмалингвистики, риторики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, теории диалога, теории языковой личности и др.

Средой, внутри которой реализуется коммуникативное воздействие, являются аргументативно-суггестивные тексты, основной прагматической целью которых является оказание на реципиентов воздействия в виде убеждения, внушения и побуждения. Убеждением является воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Основу метода убеждения составляют отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче, призванные обеспечить сознательное принятие реципиентом системы оценок и суждений в согласии с иной точкой зрения [Панкратов, 2001; Головин, 2003]. Внушение определяется как влияние на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счет снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания [Черепанова, 1995; Панкратов, 2001; Головин, 2003]. Вслед за Е. В. Шелестюк, помимо убеждения и внушения, мы склонны относить к способам речевого воздействия побуждение - внешнее стимулирование реципиента прямым воздействием на его волю [Шелестюк, 2009].

В текстах убеждение, внушение и побуждение, помимо соответствующих речевых актов, реализуются через текстовые категории аргументативности и суггестивности, причём аргументативность основывается на логико-риторических характеристиках текста, обеспечивающих воздействие адресанта на мнения и рациональные оценки реципиента, а под суггестивностью понимают те формальные, структурные и семантические характеристики текста, которые воздействуют на подсознание посредством активизации ритмических, звуковых, тематических, словесных ассоциаций, вызывая бессознательные эмоции, мысли, образы и формируя бессознательные установки [Там же].

В рамках данного исследования рассмотрены тексты, в которых органично сочетаются элементы аргументативности и суггестивности, то есть **аргументативно-суггестивные тексты**. К числу таких текстов, помимо текстов судебного дискурса, относится большинство текстов публицистического и художественного стилей, тексты психотерапевтического, воспитательно-педагогического, пропагандистского, рекламного, религиозного, философского дискурсов.

Итак, аргументативный текст представляет собой сложную структуру, которая включает различные композиционные, содержательно-логические, языковые, стилистические элементы, использование и

сочетание которых направлено на достижение аргументативных интенций говорящего.

Отметим, что для формирования определенных убеждений иногда нецелесообразно представлять всю информацию эксплицитно: для повышения воздействующей силы аргументативного текста часто используют различные синтаксические и лексические средства, формирующие бессознательные установки, то есть прибегают к суггестии.

Одним из средств реализации аргументативно-суггестивного потенциала текстов являются стратегии коммуникативного воздействия.

Стратегии коммуникативного воздействия определяются как последовательность речевых действий, направленных на реализацию интенций говорящего. Они привязаны к определённым типам дискурсивного взаимодействия, закрепляясь за теми или иными социальными институтами и ролями в соответствии с определёнными институциональными признаками. В ходе исследования рассмотрены особенности реализации стратегий коммуникативного воздействия в сфере судебного дискурса.

Судебный дискурс – это общепринятый тип речевого поведения участников судебного процесса, детерминированный утвердившимися стереотипами, возникшими в судебном процессе и ограниченный конкретными обстоятельствами разбираемого дела в ходе судебного заседания. При этом конечной целью самого судебного процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации.

В соответствии со статусно-ролевыми характеристиками и целями профессиональных участников судебного дискурса (в рамках данного исследования прокуроров и адвокатов) был выделен ряд базовых стратегий: **обвинения, защиты и эмоционального воздействия**.

Стратегия обвинения определяет принцип построения коммуникативного поведения прокурора, в свою очередь речевое поведение адвоката, представляющего интересы подсудимого, реализуется через использование коммуникативной **стратегии защиты**. Коммуникативная **стратегия эмоционального воздействия** универсальна и используется всеми участниками дискурса, являясь дополнительной по отношению к основной стратегии коммуникативного воздействия (стратегии обвинения или защиты). Если через основные стратегии реализуются поставленные говорящим цели и интенции, то стратегия эмоционального воздействия помогает преподнести это содержание в оптимальной относительно коммуникативной ситуации форме.

Во второй главе «Стратегии коммуникативного воздействия участников русского, казахского и американского судебного дискурса» проведён качественный и количественный сопоставительный анализ собранного материала, репрезентирующего особенности реализации стратегий и тактик коммуникативного воздействия в текстах судебной риторики русской, казахской и американской лингвокультур.

Установлено, что все рассмотренные стратегии реализуются через определённый набор коммуникативных *тактик* (каждая тактика рассматривается как частное по отношению к общему – стратегии коммуникативного воздействия):

Коммуникативные тактики стратегии обвинения	Коммуникативные тактики стратегии защиты
отрицательная характеристика подсудимого	положительная характеристика подсудимого
констатация фактов, доказывающих виновность подсудимого	полное или частичное отрицание вины или апелляция к искреннему раскаянию подсудимого
дискредитация показаний свидетелей защиты, подсудимого и доводов адвоката	дискредитация выводов следствия, показаний свидетелей обвинения, доводов прокурора
преувеличение тяжести совершенного преступления, нанесённого ущерба, описание наиболее шокирующих деталей преступления	преуменьшение тяжести совершенного преступления, нанесённого ущерба, отрицательная характеристика потерпевшего или его действий
тактика цитирования	тактика цитирования

Стратегия эмоционального воздействия также реализуется посредством определённого набора коммуникативных тактик: *самопрезентации, комплимента, имитированного диалога, создания «круга своих», создания «круга чужих», апелляции к жизненному опыту и здравому смыслу судьи и/или присяжных, аналогии, конвенциональной вежливости.*

В ходе исследования проведён количественный подсчёт реализации отдельных тактик коммуникативного воздействия в рамках трёх выделенных стратегий, поскольку этнокультурная специфика проявляется непосредственно в комбинации используемых тактик и их частотности.

Отметим, что все *тактики стратегии обвинения* встречаются в речах представителей рассматриваемых нами лингвокультур, и в применении ряда тактик (*констатации фактов, цитирования, отрицательной характеристики подсудимого или его действий*) наблюдается

значительный параллелизм. Этнокультурная специфика проявляется на уровне некоторых отдельных отличительных черт. Так, при реализации **тактики цитирования**, например, источники, на которые ссылаются представители рассматриваемых лингвокультур, различаются. Представители русской и казахской лингвокультур прибегают к прямому цитированию и косвенным ссылкам на определённые статьи законодательства своих стран, данных экспертиз, иногда цитируются показания свидетелей и обвиняемого с целью создания объективной картины произошедшего. Например: 1) «*Мать подсудимого Артемьева Людмила Петровна показала, что у Евгения с отцом были тёплые доверительные отношения. И, прощаясь с отцом, он был искренен, когда признался отцу, что совершил убийство*» (ссылка на показания свидетеля); 2) «*Осы сараптама қорытындысына сай Г.Сейтпенбетованың кеуде қуыс сүйектерін зерттеу барысында, он жақ қабырғаның 11 оң жақ жауырын сызығы және 12 қабырғаның омыртқаның маны сызық бойынша, қабырғаның сол жақ бұғана ортасы сызығы бойынша 3,4,5 қабырғалары сынғандығын. Г. Сейтпенбетованың өлімі бас ми жарақатының, бас ми затының субдуралды гематомамен қысылуы және бас миының домбығып ісінуінен пайда болғандығын*» (ссылка на данные судебно-медицинской экспертизы).

В речах американских прокуроров чаще всего цитируют определённые отрывки из показаний свидетелей по делу, документов по аналогичным делам, выдержки из рапортов полицейских, заключения экспертиз, при этом крайне редки ссылки на статьи закона. Все эти цитаты, как правило, сопровождаются комментариями прокуроров: «*The State's going to tell you about all the **evidence**. There wasn't any **DNA** that links to this defendant. There was **no blood recovered in the getaway truck that belongs to the defendant. There were no fingerprints in the whole crime scene that belong to this defendant***».

При реализации **тактики отрицательной характеристики** различия наблюдаются на уровне выбора объектов, на которые она направлена. Так, американские прокуроры подвергают отрицательной характеристике виновные действия подсудимого, рассматривая их с точки зрения законности/противозаконности и подчёркивая свободу выбора индивида и идею личной ответственности за данный выбор: «*And **there is no question that the defendant knew those rules and regulations. In August 2002 he discussed explicitly those rules and regulations of moving Yersinia pestis with a colleague at the University of Texas Medical Center in Galveston. Rules good enough for the colleague, but rules not followed by the defendant***».

Представители русской и казахской лингвокультур основной акцент делают на аморальности и общественной значимости того или иного действия. В качестве отрицательных характеристик зачастую приводятся склонность к алкоголизму, проявление неуважительного отношения к старшим, женщинам, нарушение моральных норм. Такое поведение

российских и казахстанских юристов можно считать проявлением такой черты русского и казахского менталитета, как «судейский комплекс» (желание вникать в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы) [Касьянова, 1994]. Например: 1). «... с 14 до 15 часов Артемьев распил с Масловым полторалитровую бутылку пива, следовательно, **находился под воздействием спиртного...** Артемьев сообщил, что после того, как он по неосторожности **один раз ударил ножом Стефанцова, он ничего не помнит.... Судебно-медицинская экспертиза выявила 17 колото-резаных ран, в том числе травматическую ампутацию пальца левой кисти; 24 раны головы, туловища, причиненные пилой-ножовкой...**» (подчёркивается склонность к **алкоголизму и лжи**);

2). «Н. Жөкешбаймен жасалған қылмыс, ауыр қылмыстар қатарына жататындығын, өзенің сипаты бойынша **қоғамға қауіптілігін, жасалу салдарынан сотталушының анасымен құрдас ересек әйел адамға физикалық және мүліктік залал келтіргендігін**» (подчёркивается опасность для общества, **аморальность** преступления по отношению к **женщине преклонного возраста**).

В использовании остальных тактик стратегии обвинения наблюдаются более значительные различия. Так, при обращении к **тактике преувеличения тяжести совершённого преступления, нанесённого ущерба, описания наиболее шокирующих деталей преступления** американские юристы чаще всего прибегают к последнему из перечисленных приёмов, стараясь воздействовать на воображение присяжных, что объясняется необходимостью учитывать психологические особенности разнородной аудитории; состязательностью процесса, вынуждающей оппонентов в суде бороться за своего слушателя; театральностью американских судебных процессов; возросшим уровнем толерантности к насилию в обществе.

Например: «*Manny was lying over to the side, face down in her own blood...The DNA evidence is going to tell you that all the blood in that store belongs to Manny, Roberta, and Roland, because they're going to testify to you that after the defendant left the store that day, Roberta was basically hysterical. They were all over the store tracking their own blood*».

Российские прокуроры, в свою очередь, склонны к преувеличению тяжести совершённого преступления и стараются предъявить обвинение по максимально возможному объёму вменяемых подсудимому действий: «**Действия Старовойтова и Ишкабулова были согласованны. Оба связывали Кардашу руки. Это следует из заключения биологической экспертизы. Ишкабулов ножницами заталкивал в нос Кардаша тряпочки, Старовойтов закрывал ему рот кляпом. Тем самым они проявили особую жестокость и причинили особые страдания Кардашу**».

Казахстанские прокуроры не только преувеличивают, подобно их российским коллегам, тяжесть совершённого преступления, но и подчёркивают нанесённый материальный и/или моральный ущерб: *«Алайда, Жөкешбай аталған соққымен шектелмей, жәберленушінің басы мен денесінің әр жерлерінен қолындағы кастетімен, аяғымен бірнеше соққы берілді».*

Однако особого внимания заслуживает рассмотрение реализации *тактики дискредитации показаний свидетелей защиты, подсудимого и доводов адвоката*, поскольку при её реализации наиболее чётко проявляются этнокультурные различия. Более всего к тактике дискредитации склонны русские прокуроры, которые подвергают дискредитации в первую очередь показания подсудимого, делая это иногда в довольно резкой форме: *«Для предъявления обвинения и допроса Артемьев обеспечивается по его заявлению юридической помощью – адвокатом Старожуком. Доводы о том, что ему не было известно, что при допросе присутствует адвокат, несостоятельны. Когда обвиняемый требует адвоката, но не знает его фамилию, следовательно в этом случае выносит постановление о назначении адвоката. В деле же Артемьева этого постановления нет... »*

Подвергаются дискредитации также показания свидетелей защиты и доводы адвоката, при этом также наблюдаются проявления резкости и агрессии: *«Мне крайне неприятно повторять неуместные и в высшей степени непрофессиональные характеристики. Именно этот тезис пытались донести до суда свидетели защиты. По сути, они не представили суду каких-либо серьёзных исследований самой выставки и её экспонатов. Наверное, такой задачи они перед собой не ставили».*

Американские юристы также прибегают к тактике дискредитации, но в большинстве случаев дискредитации подвергаются доводы процессуальных оппонентов, озвученные в суде, а форма предъявления собственных доводов не выходит за рамки принятых в данном профессиональном сообществе норм общения: *«Now, the reason that they have to come up with this story about contamination and planting, and I want to hear if they really, really do that, say that to you, is because they can't get around the result».*

Казахстанские прокуроры чаще всего прибегают к дискредитации показаний подсудимого и практически не подвергают сомнению показания свидетелей защиты или доводов адвокатов: *«Кастеті не мақсатпен алдың деген сұраққа, «өз-өзімді қорғау үшін керек деп пайымдады»».*

При реализации *стратегии защиты* прослеживается весь спектр коммуникативных тактик в речах представителей рассмотренных нами лингвокультур. Подобный параллелизм объясняется сходством коммуникативных ситуаций, а также тем, что все адвокаты имеют сходный социальный статус и социальные роли.

Самые незначительные расхождения замечены в области реализации **тактики цитирования**. Вторая тактика, к которой прибегают все адвокаты – это **полное или частичное отрицание вины подсудимого, или апелляция к искреннему его раскаянию**, но при её реализации отмечаются некоторые различия. Так, американские адвокаты, как правило, настаивают на полной невиновности своего подзащитного или на недоказанности вины: *«The State has no proof, none whatsoever, to demonstrate to you that this was not an act of self-defense»*.

Русские адвокаты более разнообразно применяют вышеозначенную тактику, прибегая к частичному отрицанию вины и зачастую указывая в своих выступлениях, что обвиняемый искренне раскаивается в совершённом преступлении: *«В эпизоде с павильоном «Лакомка» инициатором Иванов не являлся, был исполнителем. В павильоне «Лукошко» вряд ли он понимал, что своими действиями он совершает преступление»*.

Апеллируют к раскаянию подзащитного и казахстанские адвокаты: *«Соттаушы кінәсін толық мойындап, қылмыс жасағаны туралы бәрін нақтылап айтып берді... Ол шын жүректен өкініп отыр»*.

Реализация **тактики отрицания вины или апелляции к раскаянию подсудимого** тесно связана с **тактикой положительной характеристики обвиняемого**. Представители русской и американской лингвокультур одинаково редко прибегают к ней, но по разным причинам. В американской лингвокультуре вообще не принято давать какие-либо личностные характеристики, наблюдается тенденция к представлению объективного и детального отчёта о событиях, а присяжные при наличии этой исчерпывающей информации должны самостоятельно принять решение. В русской лингвокультуре не принято давать положительные характеристики подсудимого в силу укоренившегося в менталитете русского человека убеждения в том, что на скамью подсудимых не попадают «без вины». Казахские юристы проявляют большую толерантность: во всех рассмотренных нами делах найдены ссылки на положительные характеристики с места жительства или работы, приведены такие аргументы, расцененные нами в представленном контексте в качестве положительных характеристик, как *«сотталмаған – не судим, есепте тұрған жоқ* – на учёте **не** состоял, *тартылмаған – не привлекался»*.

Результаты, полученные при анализе реализации **тактики дискредитации выводов следствия, показаний свидетелей обвинения, доводов прокурора** подтверждают выводы, которые получены при рассмотрении аналогичной тактики в рамках стратегии обвинения. Так, поведение русских адвокатов, как и поведение русских прокуроров, отличается конфронтационностью, резкостью: *«Органы следствия не выполнили своего предназначения по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств настоящего дела. Хуже*

того, оперативные работники и следователи **бесцеремонно нарушали нормы уголовного законодательства, опускались до фальсификации доказательств и применения незаконных методов расследования, вплоть до избиения подследственного и угроз в адрес свидетелей**».

Американские адвокаты также прибегают к тактике дискредитации, но эта дискредитация чаще всего направлена против доводов процессуального оппонента: *«They secretly taped conversations between Ray and his mother for hundreds of hours, **hoping to hear conversations of crimes. Instead, they talked about animals**»*. Отметим, что иногда дискредитации подвергаются и показания свидетелей, чтобы выявить в них нестыковки и противоречия.

Тактика преуменьшения также проявляется несколько по-разному. Так, американские юристы чаще прибегают к приёму отрицательной характеристики потерпевшего или его действий, пытаясь объяснить и отчасти оправдать действия своего подзащитного тем, что ему пришлось действовать в контексте сложной жизненной ситуации: *«He(the victim) **yelled at the children in the neighborhood. He threatened and frightened the kids. He complained about dogs that barked. He carried a stick and threatened people with it...But you are also goin' to see that Morris Black was a strong man. Morris Black was a dangerous man**»*.

Казахстанские юристы предпочитают найти определённый компромисс. С этой целью они прибегают к приёму преуменьшения тяжести совершенного преступления или нанесённого ущерба: *«Бұл жерде ешқандай қарақшылық болмаған, себебі жәбірленуші Гулиев өз еркімен телефонын бере салған, ол туралы сот талқылауында өз дәлелін тапты, жәнеде Қуанышбеков алдын ала тергеудеде сот талқылауындада өз жауабын өзгерткен жоқ. Іс бойынша жәбірленушілер жазбаша арыз жазып, менің қорғауымдағы Қуанышбековты кешіріп, бас шарасынан айырмайтын жаза сұрап отыр»*.

Российские адвокаты реже всего прибегают к тактике преуменьшения тяжести совершённого преступления и/или нанесённого ущерба или отрицательной характеристике жертвы, предпочитая применение других тактик.

Стратегия эмоционального воздействия является общей для прокуроров и адвокатов, набор коммуникативных тактик этой стратегии также идентичен. Необходимо отметить ряд выявленных нами особенностей при их реализации. Для американской лингвокультуры характерно использование всех выделенных тактик в большом количестве, как прокурорами, так и адвокатами: все они прибегают к комбинации нескольких тактик для создания эффекта сближения с аудиторией: *«I want to sit down, I want to talk to you, I want you to tell me, what do you want to know? You know, what do you want to talk about? Because that way, I don't have to talk about stuff that you don't need to hear, stuff that you don't want explained, stuff that you're not interested in...Please bear with me because I'm*

not a mind-reader and I don't know ...» (тактики имитированного диалога, конвенциональной вежливости).

Русскоязычные прокуроры и адвокаты ведут себя несколько консервативнее американских юристов. Так, если адвокаты используют все тактики стратегии эмоционального воздействия, то прокуроры совсем не прибегают к **тактикам профессиональной самопрезентации и комплимента**, что объясняется особенностями судебной системы, в которой прокурор занимает более независимое положение, чем адвокат (поскольку он курирует следствие и представляет интересы государства) и особенностями национального менталитета. Отметим, что русскоязычные адвокаты и прокуроры в равной степени прибегают к **тактикам создания «круга своих»/«круга чужих» и имитированного диалога**, причём подобные тактики используются все более активно, что объясняется развитием института присяжных внутри российской судебной системы. Более того, тактика создания «круга своих» и «круга чужих» используется российскими юристами чаще, чем американскими, что объясняется особенностями русского менталитета, то есть наличием «судейского комплекса» и стремлением к коллективизму: *«Процитированный текст носит вполне определенный характер. Он омерзителен. Первое право человека, закрепленное во всех международно-правовых актах, — это право на жизнь. Первая нравственная заповедь, объединяющая все мировые религии — «Не убий». В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется геноцид. Автор «Возвращения» предстает в общественном мнении, в глазах каждого, прочитавшего статью Казинцева, как изувер, внушающий отвращение и ужас, не заслуживающий ничего, кроме осуждения и презрения».*

Апеллируют к жизненному опыту судей и присяжных и обращаются к тактике аналогии как адвокаты, так и прокуроры, причём активнее это делают прокуроры, поскольку в ходе судебных слушаний, выступая первыми, они представляют дело, используя понятные, знакомые образы и ситуации. В общем и целом, была отмечена тенденция к использованию российскими юристами всё большего количества тактик эмоционального воздействия, желание разнообразить свою речь, сделать выступления более выразительными и эмоциональными.

Речь казахоязычных юристов, в отличие от их американских и российских коллег, в большинстве случаев строится по определённому алгоритму, причём традиционно процессуальная инициатива принадлежит прокурору, речи же адвокатов гораздо меньше по объёму и не отличаются большим разнообразием тактик коммуникативного воздействия. Подобное положение отчасти объясняется сравнительно небольшим количеством дел, ведущихся на казахском языке, благодаря чему возникают определённые трудности с их представлением. Итак, из выделенных семи базовых тактик стратегии эмоционального воздействия казахстанские

адвокаты в своих речах задействовали лишь три: **тактику профессиональной самопрезентации, тактику апелляции к жизненному опыту судьи и тактику конвенциональной вежливости**, причем тактика профессиональной самопрезентации реализовывалась во всех случаях в обязательном представлении адвоката, принятом в казахстанских судах: *«Мен бүгін сот тергеуінде ҚР ҚК-нің ҚР ҚК-нің 179 бабы 2 бөлімі “а,б,г” тармақтарымен айыпталған Нұрғожаев Ерганат Ержанұлының мүддесін қорғап отырмын»*. **Тактика самопрезентации** в речах прокуроров реализуется более тонко, имплицитно, через упоминание того факта, что следствию, курируемому прокурором, удалось собрать достаточное количество улик для того, чтобы суд смог установить виновность подозреваемого и вынести справедливый приговор: *«Сотталушының аталған қылмыстық әрекеттерді жасағандығын алдын-ала тергеу кезінде жиналған дәлелдемелердің жиынтығы, сот отырысында дәлелдемелер толық және объективті расталған болатын»*.

В речах прокуроров нами были выявлены также **тактики создания «круга своих»/«круга чужих» и тактика апелляции к жизненному опыту судьи**, что соотносится с особенностями казахского менталитета: традиционным уважением к старшему как по возрасту, так и по социальному положению, стремлением к коллективному разрешению споров и наличием «судейского комплекса».

Нами также проведён стилистический анализ приёмов, посредством которых осуществляется реализация тактик в рамках стратегий коммуникативного воздействия, выявлены наиболее частотные из них как в рамках отдельных тактик, так и в рамках стратегий коммуникативного воздействия в целом. В этой связи отметим, что к основным лингвистическим и стилистическим приёмам, реализующим базовые коммуникативные тактики **стратегии обвинения** относятся - эмоционально окрашенная лексика с аксиологическим компонентом (**сознательно причинял...особые страдания и мучения**), терминология (*сотталушы, ауыр қылмыс*), средства формальной когезии (*there is no question...because*), прецедентные феномены (*September 11, 2001, жақсы мінездеме*); **стратегии защиты** - эмоционально окрашенная лексика с аксиологическим компонентом (*жәбірленушілер сотта берген жауаптарында кешірім беріп отыр*), терминология (*жәбірленуші*), средства формальной когезии (*мен айыптаушының пікірімен келіспеймін, өйткені...*), прецедентные феномены (*white male, Hispanic male, about six feet tall*), средства модальности (*didn't have to be Bob Durst, could just be a normal person*), отрицательные конструкции (*бұрын сотталмаған, наркотикалық, психиатриялық есепте тұрған жоқ, әкімшілік жауапкершілікке де тартылмаған*), эмфатические конструкции (*ешқандай қарақшылық болмаған*); **стратегии эмоционального воздействия** - эмоционально окрашенная лексика с мелиоративной

(*extraordinarily experienced, competent, extraordinary lawyers*) и пейоративной (*изувер, внушающий отвращение и ужас*) коннотацией, слова с семантикой обобщения (*equal justice to everyone*), имплицатуры (*We don't guess anybody guilty, we prove it beyond a reasonable doubt, сот отырысында дәлелдемелер толық және объективті расталған*), прецедентные феномены (*ремни как напоминание о действенном методе воспитания, Brady Bill*), эпитеты (*exhaustive examination, екі аяқты пен*), расширенная метафора (*Война против Ислама возникла тогда, продолжалась долгое время и продолжается в настоящее время. Рассматриваемое уголовное дело я расцениваю как один из эпизодов войны против Ислама, а участников рассматриваемого уголовного дела - как участников этой*), эвфемизмы (*bizarre, grotesque activities=murder and dismemberment*), риторические вопросы (*Did he lie when he testified here in this courtroom saying that he did not use racial epithets in the last 10 years? Yes. Is he a racist? Yes*), ирония (*Они не представили суду каких-либо серьезных исследований самой выставки и ее экспонатов. Наверное, такой задачи они перед собой не ставили*), терминология (*ic материалдар, opening statement*), градация эпитетов (*rage, fury, overkill*), антитеза (*бұрынғы уақыттарда тек шетелдік атыс-шабысқа толы кинолардан гана көретін бұл қылмыстың түрі ...біздің қазіргі қозғамымызда да пайда болды*), эллиптические конструкции (*берсе қолынан, бермесе жолынан*), клишированные формулы конвенциональной вежливости (*If it please the Court, in my humble opinion, Ваша честь, если мне будет позволено, Құрметті сот және іске қатысушы тараптар, тыңдағандарыңыз үшін рахмет*).

При этом следует отметить, что частотность применения и комбинации, в которых встречаются выявленные стилистические приёмы, также отражают этнокультурную специфику коммуникативного поведения профессиональных участников судебного дискурса.

В целом русскоязычный судебный дискурс характеризуется конфронтационностью, предпочтением тактики дискредитации, стремлением к моральной оценке действий подсудимого; казахоязычный – стремлением к достижению компромисса, преобладанием моральной оценки действий подсудимого, доминирующей позицией прокурора при рассмотрении дел в судебном заседании; американский – более разнообразным репертуаром коммуникативных тактик, меньшей дистанцией общения между профессиональными участниками судебного дискурса и аудиторией, более рациональной и категоричной формой организации защиты подсудимого адвокатом.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования, определяются его дальнейшие перспективы, которые можно сформулировать следующим образом: 1) расширение базы исследования за счёт сопоставления других аргументативно-суггестивных текстов,

порождённых представителями различных лингвокультур; а также за счёт привлечения анализируемого материала на других языках;

2) детальное рассмотрение ряда мало изученных вопросов, касающихся взаимодействия языка и права в Казахстане (разработка юридической терминологии на казахском языке, рассмотрение вопросов, касающихся работы переводчиков в казахстанских судах, вопросов лингвистической экспертизы по уголовным и административным делам).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Никифорова, Э. Ш. Основные характеристики аргументативно-суггестивных текстов (на примере текстов судебной риторики)/ Э. Ш. Никифорова // Гуманитарный вектор Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. - Чита: Заб. ГГПУ, 2012. - № 4 (32). - С. 61 – 67 (0,6 п.л.).

2. Никифорова, Э. Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса/ Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Выпуск 66. №17. 2012. С. 100 -103. (0,4 п. л.).

3. Никифорова, Э. Ш. Тактика имитированного диалога как элемент стратегии эмоционального воздействия в судебном дискурсе/ Э. Ш. Никифорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: изд. Грамота, 2012. - №5(16). - С.137 – 139 (0,3 п.л.).

4. Нефёдова, Л. А., Никифорова, Э. Ш. Стратегии коммуникативного воздействия как элемент речевого поведения участников русскоязычного судебного дискурса/ Л. А. Нефёдова, Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Выпуск 73. № 1. 2013. С. 229 -234. (0,4 п.л.).

5. Никифорова, Э. Ш. Заимствования в текстах судебного дискурса (на примере казахского языка) / Э. Ш. Никифорова // Парадигма современной науки глазами молодых: матер. Междунар. науч.конф, посвященной памяти Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова, Костанай, 16 апр. 2012г. – Костанай : Костанайский филиал «ЧелГУ», 2012. – С. 315 – 317 (0,2 п. л.).

6. Никифорова, Э. Ш. Конвенциональные стратегии как способ разрешения коммуникативных конфликтов в юридическом дискурсе/ Э.Ш. Никифорова // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета: Филологические науки № 4, 2011. – С. 23 – 27. (0,3 п. л.).

7. Никифорова, Э. Ш. К вопросу об обучении стратегиям речевого воздействия в профессиональной коммуникации/ Э. Ш. Никифорова // Интеграционные процессы в образовании: проблемы и перспективы:

матер. Междунар. науч.-практ. конф, Костанай, 27 янв. 2012г. – Костанай, 2012. – С. 262 – 265. (0,2 п. л.).

8. Никифорова, Э. Ш. Речевое воздействие в профессиональной коммуникации / Э. Ш. Никифорова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: матер. ежегодной междунар. науч. конфер. 3 – 4 февр. 2012 г.: часть 2. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед ун - та, 2012. – С. 80 – 83. (0,2 п. л.).

9. Никифорова, Э. Ш. Стратегии речевого воздействия в юридическом дискурсе / Э. Ш. Никифорова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: матер. VI Междунар. науч. конф., Челябинск, 23 – 24 апр. 2012г.: в 2 т. – Т.1 /отв. ред. Л. А. Нефёдова. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун – та, 2012. – С. 265 – 268. (0,4 п. л.).

10. Никифорова, Э. Ш. Речевое воздействие в юридическом дискурсе/ Э. Ш. Никифорова // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: матер. второй Междунар. Заочной науч. – методич. конф, Волгоград, 16 апр. 2012 г./отв. ред. Т. Н. Астафурова, О.В. Атьман. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун –та, 2012. – С. 285 – 289. (0,3 п. л.).

11. Никифорова, Э. Ш., Надобко, Ю. В. Основные коммуникативные стратегии в юридическом дискурсе / Э. Ш. Никифорова // *Lingua mobilis*. - Челябинск, 2012. - № 7 (33). – С.64 – 67. (0,2 п. л.).

12. Никифорова, Э. Ш. Особенности речевого поведения профессиональных участников судебного дискурса/ Э. Ш. Никифорова // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: матер. Междунар. науч. конфер, Волгоград, 29 – 31 окт. 2012. С. 283 – 285. (0,1 п. л.).

13. Никифорова, Э. Ш. Тактика аналогии как элемент стратегии эмоционального воздействия в судебном дискурсе / Э. Ш. Никифорова // Речь. Речевая деятельность. Текст: матер. Всерос. межвуз. конф., Таганрог, 27 – 28 сент.2012 г./ отв.ред. И. В. Голубева, Н. А. Сенина. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин- та, 2012. – С. 319 – 323. (0,3 п.л.).

14. Никифорова, Э. Ш. Создание положительного образа подсудимого при построении стратегии защиты/ Э. Ш. Никифорова// Сборник по результатам XII заочной научной конференции *Research Journal of International Studies*, 2013. - №2(9), 2013. – С.84. (0,1п.л.)

Заказ №7178, Тираж 100 экз.
Гарнитура Times New Roman Times/Kazakh
Формат 60*84/18 Бумага SvetoCopy
Отпечатано в типографии КГУ им. А.Байтурсынова

110000, г.Костанай, ул.Байтурсынова, 47

